

“Контроль и руководство”: литературная политика советской партийной бюрократии в 20-х годах.

В западной и российской историографии последних лет воцарилось полное согласие о том, что в 20-х годах в Советском государстве была построена система всеохватывающего идеологического контроля. Как правило, в качестве правовых и организационных вех называют юридически обосновавший цензуру Декрет о печати октября 1917 года, создание в мае 1919 Государственного издательства как первого советского цензурного органа, различные институциональные и юридические мероприятия военной цензуры в годы Гражданской войны, национализацию печати в июле 1918, учреждение ВЧК и продолжавших ее организаций, создание Наркомпроса и подведомственных ему организаций, учреждение цензурных отделов в Главлите и Главной репертуарной комиссии, соответственно в июне 1922 и в феврале 1923. В качестве важного шага при создании учреждений политической идеологии оценивается также возникновение в апреле 1920 Отдела агитации и пропаганды ЦК РКП (б.)¹.

Единодушие существует и по вопросу, каковы были институциональные условия этих мероприятий. Однако остается все еще спорным, какие *идеи, какая концепция* преследовалась литературной политикой большевиков, какая система лежала в самом основании. И в постсоветской, и в западной исследовательской традиции преобладает тенденция к упрощению, обусловленная в первую очередь Холодной войной и ее последствиями: советский режим было слишком уж удобно или канонизировать (что делалось в СССР и в симпатизировавших социализму кругах западной интеллигенции) или демонизировать (что имело место прежде всего на Западе, но после Перестройки распространилось и в СССР и образовавшихся из него государствах)².

В этом прочитывается стремление угледеть в политике большевиков уже с начала 20-х годов “красную нить”, состоявшую не только в том, чтобы централизованно управлять культурой и искусством, но и “их ... направлять по определенному пути, к определенной цели”³.

¹ ИСПЦ 1997, 27-31, 35—36, 39—40; 257--262 ; Коржихина 1997, 104, 105, 113, 114, 116-118; Just 1931, 32, 33, 39, 46-47; Яковлев 2000, 123, 124; DB Obj. 2506; DB Obj. 817; Kandler 1925/1926, 256; РГАСПИ, ф.17, оп.112, д.8, л.3; РГАСПИ, ф. 17, оп.112, д.21, л.2.

² Например: Блюм 1994, 94--97; Яковлев 2000, 122-123; Коржихина 1997, 104, 105; Fitzpatrick 1973, 92-93.

³ Коржихина 1997, 104.

Конечно же, многие материалы, и прежде всего высказывания самих большевистских политиков в области культуры, дают основания говорить о таком *осознанном намерении*, которое, как таковое, несомненно существовало. Однако не менее заметно и то, что (по крайней мере, в начале 20-х годов) в соответствии с тем, как воспринимали себя сами обладатели власти, они могли только требовать пригнанной работы всех институтов управления культурой и идеологией. Это явствует, например, из постановлений 1920 и 1921 гг. об Агитпропе⁴.

Столь же вводящими в заблуждение кажутся и придерживающиеся противоположной точки зрения мнения, согласно которым в советской культурной политике до 1928 можно говорить о “мягкой линии” партии. В складывании этого впечатления поучаствовали преимущественно Наркомпрос и Луначарский, в то время как партийный аппарат продолжал вести себя довольно-таки безразлично⁵.

На сегодняшнем уровне знания обе эти позиции стоит обозначить как схематичные. В действительности и до 1928 было множество попыток влиять на художественную литературу. Однако различным партийным мероприятиям не хватало ясности для того, чтобы можно было согласиться с понятиями “soft line” или “определенная цель”. Скорее, двадцатые годы были периодом, в котором партия колебалась между обоими полюсами, тщась сформулировать окончательную концепцию. Это становится ясно, если рассмотреть по отдельности *точки зрения* и *действия* партии в области литературной политики. Слова и поступки нередко отличались друг от друга, а иногда оказывались даже противоположными.

Хотя остается невозможным установить единую линию литературной политики времен НЭПа, тем не менее, на основании вполне явных политических колебаний, допустимо выработать периодизацию, отвечающую сложности исследуемой ситуации:

1. До мая 1923 никакой координированной, т.е. проводимой соответствующим аппаратом, литературной политики не существовало. Действия партии происходили прежде всего по личной инициативе отдельных членов Политбюро и, как правило, не были частью какого-то определенного плана (что ничуть не мешало этим действиям быть весьма значимыми).

⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп.112, д.250, л.3.

⁵ Fitzpatrick 1973, 92-93.

2. Это изменилось в мае 1923 с учреждением Сектора неперIODической литературы при Подотделе печати ЦК РКП. При заведующем Подотделом Яковлеве ЦК проводил направленную на поддержание равновесия между различными литературными группами политику. При этом еще стремились поддерживать пролетарских писателей и вовлекать в советскую литературу т.н. “попутчиков”.
3. В короткий период между июлем и ноябрем 1924 Отдел печати под руководством приверженца твердой пролетарской линии Канатчикова решительно сближается с “радикальными пролетариями” группы ВАПП во главе с Вардиным. Например, именно тогда происходит отставка полулиберального Мещерякова с поста главы Государственного издательства.
4. При очередном новом заведующем Отдела печати Варейкисе партийная линия вновь размывается. В это время процесс принятия литературных решений сравнительно либерален. Хотя и в этой фазе сохраняется очевидное предпочтение пролетарским писателям.
5. С мая 1926 по 1928 можно вновь констатировать радикализацию политики аппарата; если угодно – своего рода культурную революцию. Сергей Гусев, новый заведующий Отделом печати, под прикрытием почти либеральной резолюции 1925 года, стремился интенсивно (пусть даже не столь успешно) к созданию единого, включающего все группы, объединения писателей.

При всех различиях между этими фазами, можно выявить цели, к которым, с большим или меньшим усердием, стремились на протяжении всего времени НЭПа:

1. Безусловная монополия партии во всех политических вопросах, в том числе и в литературной политике.
2. Объединение писателей в одну организацию
3. Поддержка пролетарской литературы.
4. Привлечение “попутчиков” к большевистскому строительству.

В зависимости от политических условий и действующих лиц эти цели преследовались очень по-разному, так что едва ли может идти речь о единой линии.

Первая фаза: до создания партийного аппарата руководства литературной политикой.

До 1923 литературной политикой в широком смысле занималось несколько различных учреждений. Наряду с государственным издательством, которое прежде всего отвечало за вопросы цензуры, о проблемах литературы, искусства, театра, музыки и кинематографа пекся в первую очередь Народный комиссариат Просвещения под руководством Анатолия Луначарского⁶. При этом Красная Армия располагала своим собственным “Литературно-издательским отделом”⁷. В конце лета 1921 издательскими делами начал заниматься также “Совет труда и обороны”.

Секретная служба ВЧК, вместе с соответствующими наркоматами Луначарского и Чичерина (наркома иностранных дел) также была заинтересована в том, чтобы принимать участие в решениях в области культурной политики, к которой правительство большевиков относилось весьма серьезно⁸. Совет народных комиссаров (еще одна инстанция, которая вмешивалась в вопросы литературы) в декрете от 12 декабря 1921 г. определил жесткие границы для деятельности частных издательств⁹. Сам Ленин активно интересовался этим вопросом и продвигал отдельные важные решения в области культурной политики¹⁰.

Поскольку различные учреждения нередко конфликтовали друг с другом, роль ЦК нередко состояла в арбитраже. В случае с попыткой выехать из России Александра Блока Политбюро последовало мнению ЦК и не выпустило Блока на курорт в Финляндию. После многих месяцев ходатайств за Блока со стороны Луначарского и особенно Горького, в конечном счете было вынесено решение в пользу поэта, который, однако, умер от своей болезни до того, как смог воспользоваться предоставленным разрешением¹¹.

Партийный аппарат в узком смысле слова не участвовал в вопросах культурной политики в момент начала перехода от Гражданской войны к НЭПу. Он еще не обладал соответствующими структурами. Соперничающие друг с другом внепартийные учреждения были таким образом привязаны к решениям высших

⁶ ГАРФ, ф. А-2306, оп.1, д.634, л.38, 38об.

⁷ Diner\ v stejn 1972, S.63--65.

⁸ Напр.: Власть 1999, 15-16.

⁹ ИСПЦ 1997, 34-35; Коржихина 1997, 114; Plaggenborg1996, 127; Just 1932, 43-44; Динерштейн 1972, 112-113.

¹⁰ Коржихина 1997, 114.

¹¹ Власть 1999, 24-29.

органов власти (чаще Политбюро, иногда также – и Оргбюро партии). С основанием Отдела агитации и пропаганды в 1920-21 гг. в ЦК была создана структура, которая сосредоточила значительную власть в области идеологической политики. С течением лет она добивалась все новых полномочий и должна была управлять всеми прочими, государственными или профсоюзными учреждениями. С 1921 Агитпроп находился под контролем группы Сталина и Молотова¹².

Однако вначале на многих заседаниях Агитпропа разрабатывалось только новое соотношение между Пролеткультом и партийными органами. Здесь речь шла не о литературной политике самой по себе, но о монополии на нее, на что претендовали как партия, так и (безуспешно) Пролеткульт. В этом вопросе Агитпроп, однако, действовал не по своей инициативе, но по инициативе Ленина¹³.

Первая попытка планомерной литературной политики, инициатива которой, вероятно, принадлежит самому Агитпропу, датируется февралем 1922 г.

21 февраля А.К. Воронский докладывал Агитпропу о публикуемой в частных издательствах литературе. В ней встречались враждебные Советам “контрреволюционные и мелкобуржуазные идеи”. Воронский призвал к более острой идеологической борьбе на книжном рынке. Первым шагом должен был стать сбор симпатизирующих писателей вокруг партии¹⁴.

¹² См. Grabowsky 2001, 31-49.

¹³ РГАСПИ, ф.17, оп.60., д.43, л.1-14, 29; Коржихина 1997, 46-47; Eimermacher 1994, 195-196.

¹⁴ Коржихина 1997, 105-106; РГАСПИ, ф.17, оп.60, д.141, лл.16-19, 28.

На заседании “Объединенного совещания коллегии агитационно-пропагандистского отдела” было принято решение о заметном заострении курса партии в культурной политике, с привлечением крупных, сочувствующих большевикам писательских объединений. Коллегия (самый высший орган после секретариата и оргбюро), во-первых, одобрила самый острый, идеологически выраженно левый курс, как его понимало руководство партии во главе с Лениным и Троцким; во-вторых, она постаралась подойти к делу значительно более систематически, чем сам Ленин. Решение коллегии содержало пять пунктов (их порядок показывает важность, которая им уделялась):

- О борьбе нашей печати с контрреволюционными литературными группировками. [. . .]
- О мерах объединения и поднятия работы издательств близких нам групп. [. . .]
- О мерах превращения издательства Главполитпросвета в боевое издательство Агитационно-Пропагандистской литературы. [. . .]
- О Госиздате. [. . .]
- О цензуре. [. . .]
- О Политотделе Госиздата. [. . .]
- О распространении печати.¹⁵

На этом собрании – и на следующем заседании Оргбюро от 27 февраля, которое подтвердило курс Агитпропа – были приняты важные решения. Предлагались меры, которые, к тому же, не были утверждены Политбюро, проводившим в целом более осторожную политику.

Присутствовали постоянные члены коллегии Воробьев, Яковлев, Вардин, Долецкий, секретарь ЦК Михайлов, а также Мещеряков, Шмидт, Полонский и Лебедев-Полянский из Государственного издательства, Овсянников и Волин из издательства Москооперации, Плетнев, Файдыш и Додонов из Пролеткульта и Воронский из редакции “Красной Нови”, если называть только самых важных участников заседания. Кроме них были представители отдела публицистики и коллегии Главполитпросвета, “Частного Коммунистического издательства”, подразделов Агитпропа и социалистической Академии. Решение тем самым опиралось на базу широкого согласия государственных, партийных и общественных организаций. Однако представители писательских объединений (за вычетом пролеткультовцев) не были привлечены, хотя именно писателей затрагивало в первую очередь изменение партийной политики¹⁶.

В числе важных отдельных мероприятий стоит отметить решение Коллегии – в порядке борьбы против контрреволюционных группировок – об издании

¹⁵ РГАСПИ, ф.17, оп.112, д.293, л.9-11.

¹⁶ РГАСПИ, ф.17, оп.112, д.293, л.9.

марксистского литературно-критического журнала, который вскоре стал выходить под именем “Под знаменем марксизма”¹⁷. Центральная печать (“Правда” и остальные) должны были служить инструментом борьбы против “возрадившейся (так – И.Г.) буржуазно-интеллигентской публицистики, беллетристики и бульварщины”¹⁸.

Вместе с возобновлением борьбы против идеологического противника были обращены и экономические репрессии. Государственному банку указали на то, что “субсидирование частных издательств является в настоящее время политическим делом”, и его надлежит согласовывать с политотделом Госиздата (т.е. с цензурной инстанцией).

Не только сама партия должна была посвятить себя борьбе с литературной контрреволюцией; необходимо было еще и привлечь писателей-союзников. Коллегия предложила объединение симпатизирующих большевикам литературных групп вокруг “Дома печати”. Для выполнения этой задачи была учреждена комиссия в составе Вардина, Полонского и Максимовского (т.е. представителей Агитпропа, Госиздата и ГПП). Объединение литературных групп должно было до определенного момента оставаться неосуществимой мечтой, над осуществлением которой партия поседовательно, когда с большим, а когда с меньшим усердием, работала на протяжении многих следующих лет. Большой успех встретила задача побудить “группу литераторов-коммунистов” на борьбу “с контрреволюционными литературными течениями”. ВАПП и МАПП приняли это поручение с изрядным энтузиазмом. Кроме того, журнал “Красная Новь”, литературный противовес частным издательствам, должен был, начиная с момента заседаний, издаваться ежемесячно¹⁹.

“Союзные” писатели не только подлежали активизации и отправке на “третий фронт” идеологической борьбы. Агитпроп решил поддерживать их финансово и организационно. Диапазон рядов тех, кого рассматривали как возможных союзников, был сравнительно широк, даже при несомненных радикалах из руководства различных аппаратов. Общим мнением при правлении большевиков было то, что и в литературе пока не стоит отказываться даже от буржуазных специалистов. В первую очередь следовало поддерживать различные группы пролетарских писателей, но также и буржуазных, таких как “Серапионовы братья” (с условием, что они не будут сотрудничать с

¹⁷ РГАСПИ, ф.17, оп.112, д.293, л.9; Коржихина 1997, 105-106, 114.

¹⁸ РГАСПИ, ф.17, оп.112, д.293, л.9.

¹⁹ РГАСПИ, ф.17, оп.112, д.293, л.2, 9.

предположительно реакционными издательствами) или группа Боброва. Также сочли достойными поддержки футуристов Маяковского, хотя они были названы в списке Агитпропа последними. Несмотря на то, что в отличие от Серапионов футуристы целиком придерживались партийной линии, в этой очередности могло найти отражение то недоверие, с которым к футуристам относились в ленинской партии.

Задача материальной поддержки писателей легла на плечи Госиздата, ЛитО, Пролеткульта и “Дома Печати”. Стоит отметить, что и сменовеховцы, которых Ленин провозгласил классовыми врагами²⁰, также воспринимались как нуждающиеся в поддержке, “поскольку они ведут борьбу с контрреволюционными настроениями верхушки русской интеллигенции”. Оргбюро даже пошло на запрет публикаций “Вестник литератора” и “Летопись дома литераторов”, поскольку в последних с позициями сменовеховцев шла критическая полемика.

В целом из-за НЭПа положение коммунистической литературы воспринималось как тяжелое. В особенности казалось, что под угрозой находится государственное издательство. Для его усиления надлежало объединить вокруг него в форме синдиката все дружественные (т.е. государственные, партийные или находившиеся под руководством коммунистов) издательства. Формально их независимость сохранялась. В то же время от Госиздата потребовали большей гибкости и оперативности при публикации литературных новинок. В этом отношении Госиздат очевидно отставал от маленьких частных издательств (зарабатывавших гибкостью свой хлеб насущный), и в следующие годы ситуация не изменилась. К тому же у государственного издательства не было своей типографии – обстоятельство, которое Агитпроп тоже решил исправить.

По вопросу цензуры решили учредить комиссию в составе Лебедева-Полянского, Долецкого, сотрудника ЦК, которого еще предстояло определить, Овсянникова и Вардина. Предположительно, плодом ее работы явилось создание Главлита в июне того же года. Оно было еще одной попыткой партии пойти в контрнаступление на болезненно воспринимавшиеся последствия НЭПа. Государственное издательство, которое могло теперь осуществлять цензуру только по экономическим каналам, т.е. завуалированно, не справлялось с единовластным контролем над новым положением дел²¹.

²⁰ Lauer 2000, 527.

²¹ РГАСПИ, ф.17, оп.112, д.293, л.2, 9-11.

Этими шагами, предпринятыми в результате двух или трех заседаний, вплоть до февраля 1923, ограничивалось все, что сделал Агитпроп в рамках планомерной литературной политики. В лице заместителя заведующего Агитпропа Якова Яковлева Отдел агитации и пропаганды участвовал и в других мероприятиях, например в поддержке молодых непролетарских поэтов, но инициатива в этих случаях исходила от членов Политбюро, таких как Троцкий, Сталин или Ленин²².

Рассмотрение этой фазы литературной политики в эпоху НЭПа подтверждает: о “мягкой линии” говорить не приходится. Это показывает взаимосвязь поощрений и возможных наказаний (как и произошло, например, с Серапионовыми братьями). Однако становится также ясным и то, что ни в коем случае нельзя говорить о *единой* концепции репрессий, которую можно было бы назвать “коммунистической” в узком смысле слова. Подход партийного аппарата к ситуации был в это время чрезвычайно прагматичным; его можно было выразить словами: Кто не против нас, тот с нами²³.

Вторая фаза: создание сектора непериодической литературы. Яковлев и стремление к интеграции попутчиков.

На своем двенадцатом съезде партия решила уделять больше внимания литературной политике²⁴. В качестве непосредственного следствия этого решения был реорганизован партийный аппарат. Среди прочего подотдел печати получил литературно-политическую секцию. Тем самым литературная политика впервые получила в ЦК отведенное специально для нее место²⁵. Заведующим подотдела печати стал Яков Яковлев, который уже в предыдущие годы занимался этими вопросами в Агитпропе. Бывший поэт-акмеист Владимир Нарбут отвечал за литературную политику²⁶.

Даже если литературную политику уже привели в организационные формы, из этого не следует, что в Агитпропе ясно представляли себе ее содержание. Сам начальник отдела, Андрей Бубнов, в июне 1923 косвенным образом признал, что у Агитпропа не было концепции литературной политики:

²² РГАСПИ, ф.323, оп.1, д.140, л.6-8; РГАСПИ, ф.17, оп.60, д.182, л.49, 70; РГАСПИ, ф.325, оп.1, д.140, л.10; Власть 1999, 43..

²³ РГАСПИ, ф.17, оп.112, д.293, л.10.

²⁴ Двенадцатый съезд 1968, 710.

²⁵ РГАСПИ, ф.17, оп.60, д.418, л.6-22; Изв. 5 (1923), 42..

У нас сейчас литература по сравнению со всеми остальными областями искусства, пожалуй, в максимальной степени возродилась и стала больше, чем, например, театр, мощною силою общественного воздействия. [. . .] Пришло время, когда партия должна вплотную подойти к вопросам литературы и искусства. Нам надо установить определенную линию художественной политики, наметить ее основные принципы. Это вопрос, назревший, злободневный и насущный.²⁷

Высказывание Бубнова показывает, что партия, по меньшей мере, аппарат ЦК не располагали отчетливым планом обращения с художественной литературой. Нарбут в своих записях 1923 года при всей их радикальности высказывается весьма осторожно, демонстрируя неуверенность относительно линии, которую надлежит преследовать:

Задачи, стоящие перед Отделением Художественной Литературы, значительны, но было бы преждевременно конкретизировать их вполне теперь же, так как эта область работы в партийной практике не имеет сколько-нибудь серьезного опыта. Естественно, что отделению на первых порах необходимо определить линию идеологического руководства в области художеств, литературы и критики (через наши издательства, писательские объединения и группировки)²⁸

Эта цитата также показывает, что в аппарате были не уверены в том, какую политику надо проводить по отношению к литературе. Нарбут предложил концепцию, которая, по обстоятельствам, должна была работать до 1926 года: цель секции провозглашалась в том, чтобы, с одной стороны, руководить пролетарскими писательскими организациями, а с другой стороны привлекать “здоровые художественные течения . . . в нашу орбиту литераторов-попутчиков”. Речь шла о том, чтобы принести “здоровую художественную литературу к рабоче-крестьянским массам”²⁹.

Эта разделявшаяся в целом и Яковлевым программа Нарбута имела свои последствия. С одной стороны, пролетарские писатели могли рассчитывать на большую, чем попутчики, поддержку партии. С другой стороны, именно они оказались в первые годы НЭПа под наиболее пристальным присмотром. Вместе с представителями литературных групп “Кузница” и “Октябрь” Нарбут планировал съезд пролетарских писателей (который долго не мог состояться) и заботился о том, чтобы организовать в единый фронт различные группы. Сверх

²⁶ РГАСПИ, ф.17, оп.60, д.685, л.25.

²⁷ КР 11 (1923), 24-25.

²⁸ РГАСПИ, ф.17, оп.60., д.866, л.54.

²⁹ РГАСПИ, ф.17, оп.60., д.866, л.54, 55.

того, подотдел печати поддерживал издательские планы отдельных групп³⁰. Даже не апологетизируя слишком часто пролетаризацию литературы, при помощи благосклонных рецензий (“литературных характеристик”) в своем центральном органе “Красная печать” Отдел ясно демонстрировал свои симпатии пролетариям³¹. Так называемое “прессбюро”, новостное агентство партии, также уже с января заполняло свои беллетристические полосы работами пролетарских авторов³².

С другой стороны, “Кузница” почти прекратила свое существование, потому что партия проводила чистку своих организаций³³.

В это время Отдел печати толерантно относился к литературе попутчиков, к которым Яковлев причислял также группу Маяковского вокруг журнала “Леф”, серапионовых братьев и других³⁴. Яковлев так описывал программу Отдела:

Ставя своей задачей политнаблюдение и руководство всей художественной литературой, II/Отдел Печати стремился и стремится: 1. С одной стороны внести спайку в ряды пролетарских и крестьянских писателей и дать им возможность выявить себя во всю ширь (организация издательств и пр.), а с другой - отобрать наиболее жизнеспособные, формирующиеся в сторону идеи Соввласти, элементы и второй [попутни-ческой] и третьей [колеблющихся] группы писателей и, соорганизовав их (пример: „Круг”), производить дальнейшее расслоение и раскол в этой среде (что отражается и на писателях - эмигрантах, различивая вереницу перебесчиков и ослабляя этот участок неприятельского идеологического фронта).³⁵

То, что эта прагматичная позиция воспринималась всерьез, доказывается реакцией партии на “левые” требования литературной монополии для пролетарских групп. С подачи Яковлева и Отдела печати партия, вначале на заседании Отдела печати, а затем на тринадцатом съезде партии в мае 1924 г., раскритиковала агрессивное стремление к гегемонии журнала “На посту” и его руководителей Вардина и Лелевича. На съезде Яковлев обрушился на “узкую кружковщину” пролетарских писателей:

Только серьезная, художественная и политическая работа над собой, только решительная борьба с самовлюбленностью только серьезная критика и самокритика создадут основание для здорового роста писателей, выходящих из среды рабочих и крестьян. [...] [О]стается, конечно, требование партии: работайте над собой серьезно, не преувеличивайте успехов уже достигнутых, боритесь за успех хотя бы самый малый, но действительный, [. ..] ибо в

³⁰ ЛН 93 (1983), 597.

³¹ КП 18 (1923) и др.

³² КП 17 (1923), 28.

³³ РГАСПИ, ф.17, оп.60., д.866, л.59-63..

³⁴ РГАСПИ, ф.17, оп.60., д.877, л.50.

³⁵ РГАСПИ, ф.17, оп.60., д.877, л.52.

противном случае мы не получим здоровой революционной литературы. В отношении к попутчикам комиссия полностью утвердила пункт, нами предложенный: „Вместе с тем, необходимо продолжать ведущуюся систематическую поддержку наиболее даровитых из так называемых попутчиков”³⁶

Вскоре после сравнительно взвешенных майских резолюций Политбюро 12 июня сняло Яковлева с поста заведующий Отдела печати³⁷. Возможно – хотя это нельзя доказать – он казался неподходящим для того, чтобы представлять по отношению к объединениям пролетарских писателей новую, начавшую осуществляться, линию литературной политики.

Третья фаза: борьба за объединение пролетарских сил.

ЦК назначило преемником Яковлева на посту начальника отдела печати Семена Канатчикова, который вскоре завоевал славу приверженца твердой линии³⁸. Нарбут сохранил свой пост начальника “Книжно-журнального подотдела”³⁹. Однако инициативу в литературной политике перехватили непосредственные руководители отдела печати, Канатчиков и его заместитель Зорин. Это подтверждается и жалобой Нарбута в августе 1924 на новое руководство⁴⁰. Внутри отдела печати больше не приходится говорить о единой линии.

Летом 1924 были приняты новые меры для усиления жесткого курса. В конце июля – начале августа были объединены издательства Госиздат и “Красная Новь”⁴¹. Мещеряков, который еще в мае поддерживал мягкую линию, был снят с поста руководителя Госиздата. На его место был назначен Бердников. Руководство перешло теперь к надежным аппаратчикам, таким как Степанов-Скворцов, Покровский, Канатчиков, Ярославский, Н.Н. Попов или заслуженный сотрудник Агитпропа Флеровский⁴². При этом как “Красная Новь”, так и Госиздат (против невзвешенности идеологической и литературной политики которых уже прозвучали упреки) были взяты под строгий контроль партийного аппарата.

³⁶ Тринадцатый съезд 1963, 585-586.

³⁷ РГАСПИ, ф.17, оп.3, д.443, л.12.

³⁸ РГАСПИ, ф.17, оп.3, д.443, л.12; Галушкин 2000, 110, 113.

³⁹ РГАСПИ, ф.17, оп.60, д.926, л.38-40.

⁴⁰ РГАСПИ, ф.17, оп.60, д.926, л.38

⁴¹ РГАСПИ, ф.17, оп.112, д.583, л.4; DB Obj. 2576.

⁴² DB Obj. 2581, 2582.

Это решение не было отложено в долгий ящик; Оргбюро приняло его, не передавая на рассмотрение Политбюро. Аппарат ЦК, то есть отдел печати, принял его во взаимодействии с находившимися под контролем Сталина инстанциями. Пока представители “мягкой линии”, такие как Бухарин или Троцкий, еще продолжали нежиться в славе своей идеологической майской победы, аппарат в интенсивном порядке подготовил защиту интересов пролетарских писателей. Дальнейшие шаги последовали.

27 августа Канатчиков предложил секретариату ЦК провести 10 декабря съезд пролетарских писателей. Организационное бюро съезда должно было находиться под контролем постоянного числа работников отдела печати. Канатчиков предлагал в этом качестве себя самого, своих заместителей Соловьева и Зорина, а также ответственного за вопросы печати секретаря ЦК Молотова.

Писателей и их объединения должно было представлять явное вапповское большинство. Канатчиков предложил Серафимовича, Демьяна Бедного, Чужака, Лелевича, Либединского, Березовского, Ляшко, Бахметьева, Якубовского, Раскольников и Воронского⁴³. Хорошо известный представитель твердой линии Вардин не был включен, но, очевидно, он находился в тесном контакте с Канатчиковым, поскольку уже через несколько дней он смог сообщить объединению “Кузница” решение о предстоящем съезде писателей, еще до того как заведующий отделом печати представил этот вопрос для решения на секретариате СК партии⁴⁴.

В октябре секретариат по вновь составленному предложению Канатчикова принял решение об Организационном бюро. Канатчиков рекомендовал в состав также Воронского, которого секретариат вычеркнул из списка. С другой стороны, он удовольствовался одним единственным представителем ЦК, а именно Нарбутом. Политическая благонадежность Оргб.ро была и без того достаточно обеспечена. В новый орган вошли: Серафимович, Бедный, Лелевич, Либединский, Безыменский, Раскольников, Самобытник, Малашкин, Фурманов⁴⁵. В качестве даты мероприятия секретариат (отдел печати) назначили 10 января⁴⁶.

Уже до этих событий Канатчиков при помощи секретариата попытался ослабить Воронского, наиболее яростного противника ВАППа. 29 августа по

⁴³ ДВ Obj. 5770.

⁴⁴ РГАЛИ, ф.1638, оп.1, д.27, лл.23-24.

⁴⁵ РГАСПИ, ф.17, оп.112, д.608, лл.125-128.

предложению Канатчикова секретариат назначил Зорина и напостовца Раскольниковца членами редколлегии журнала “Красная Новь”, то есть поручил им контролировать деятельность Воронского⁴⁷.

Отдел печати все дальше распространял свое влияние на активную литературную политику, важнейшим органом которой была “Красная Новь”. Одновременно усиливалось давление на издательства и другие литературные журналы, такие как “Огонек”, “Красная Нива” и “Прожектор”⁴⁸.

Канатчиков и дальше безусловно поддерживал политику “На посту” и ВАППа. В одной из записок для Оргбюро он расхваливает до небес писателей из этих объединений и их работу. Он констатирует “гигантский рост творческих сил рабочего класса”⁴⁹ и видит основные причины этого развития в работе объединения МАПП. Напротив, конкурирующим группам “Кузница”, “Твори” или “Перевал” Канатчиков приписывает опасные идеологические слабости:

Работа этих писателей протекает, главным образом, в Москве. - при чем в деятельности Федерации наблюдается уклон к мастерству, а не к непосредственной связи с массами, и работе в самих массах.⁵⁰

Запланированный на январь съезд должен был утвердить единство всех пролетарских писателей – мысль, которую уже долгое время отдел печати представлял с переменным энтузиазмом. Канатчиков пишет:

Объединение всех этих выросших и растущих пролетарских литературных сил становится насущной задачей, без разрешения которой немисливо дальнейшее нормальное развитие пролетарской литературы, ибо, как правильно сказал тов. Зиновьев, будущее этой литературы зависит именно от этих низовых сил. Объединение творческих усилий, идеологическое руководство, предохранение от уклонов и деклассирование, помощь выдвигающимся талантам, сохранение связи с массами, все эти необходимейшие условия, без которых здоровое развитие пролетарской литературы немисливо, могут быть созданы только при наличии единой, централизованной и гибкой Всесоюзной организации пролетарских писателей⁵¹

Канатчиков требовал скорейшего созыва съезда для того, чтобы обеспечить оперативное руководство писателями. Последними надлежало идеологически

⁴⁶ РГАСПИ, ф.17, оп.112, д.608, лл.123.

⁴⁷ Примочкина 1998, 97.

⁴⁸ РГАСПИ, ф.17, оп.60, д.926, л.39.

⁴⁹ РГАСПИ, ф.17, оп.112, д.608, л.125.

⁵⁰ РГАСПИ, ф.17, оп.112, д.608, л.128.

⁵¹ РГАСПИ, ф.17, оп.112, д.608, л.127.

твердо руководить, а художественная свобода распространялась только в границах “классовой идеологии”⁵².

Четвертая фаза: партия вновь поворачивается на 180 градусов

В разгаре подготовки к съезду писателей ЦК осуществило поворот на 180 градусов. 3 ноября 1924 Оргбюро решило созвать вовсе не съезд, но всего лишь “небольшое совещание” группы «Октябрь»⁵³. Спустя две недели Политбюро подтвердило решение Оргбюро о замене Канатчикова на Варейкиса⁵⁴. Предположительно Канатчикову стоила головы его политически в этот момент уже невыгодная близость к Зиновьеву.

На конференции в январе 1925 убедительно победила линия Канатчикова, Вардина и других. Единогласно одобрили подготовленную Вардиным резолюцию, которая прежде всего состояла из жестких нападок на Троцкого и Воронского. Даже Луначарский, который до этого был привержен скорее либеральной линии, поддержал пролетарских писателей⁵⁵. Стало казаться, что принимает конкретные формы задуманное еще старым руководством отдела печати создание Союза писателей.

Однако еще во время конференции Сталин отговаривал в своей “записке” Вардина и Лелевича от слишком радикальных шагов, хотя он пока не собирался в лишать напостовцев своей поддержки:

Вы меня до смерти напугали „ожесточенной классовой борьбой” между Вами и Воронским, ввиду чего я изнял да голоснул с перепугу за Вас-хе предложение насчет конференции. Не пугайте меня больше, я и так запуган.⁵⁶

Если поверить более позднему письму пролетарских писателей, то 2 февраля 1925 г. Сталин высказал им мнение, которое на конференции съезде писателей представлял Майский: Воронский был назначен для того, чтобы вести попутчиков, а вместо этого сам пошел у них на поводу⁵⁷. Уже 14 декабря Сталин принял у себя Вардина; то, что он уже 2 февраля вновь встретился с ним, убедительно указывает на то, что напостовцы могли рассчитывать на его

⁵² РГАСПИ, ф.17, оп.112, д.608, л.127.

⁵³ Власть 1999, 49.

⁵⁴ РГАСПИ, ф.17, оп.3, д.475, л.2.

⁵⁵ Eimermacher 1994, 443-465.

⁵⁶ Громов 1998, 72.

⁵⁷ Галушкин 2000, 111; Eimermacher 1994, 450.

поддержку. Однако предупреждающий тон “записки” от 10 января свидетельствует о том, что эта поддержка была не безусловной.

4 февраля генеральный секретарь принял Воронского. Содержание разговора не сохранилось в приемных тетрадах генерального секретаря⁵⁸. Несколькими днями позже партийная линия вновь изменилась – что было обозначено уже заменой Канатчикова на Варейкиса. Для начала Раскольников, представитель “На посту” в редколлегии “Красной Нови” был заменен на идеологически более гибкого Ярославского⁵⁹. Вслед за этим в письме к Горькому Воронский сообщил, что благодаря заменам в редколлегии он вновь получил возможность работать. На том же самом заседании Политбюро приняло решение об учреждении комиссии, которая занималась бы вопросами пролетарских писателей (продуктом ее работы стала возникшая наконец в июне того же года резолюция). Сам Сталин к ней, конечно же, не принадлежал; он оставил это поле своему новому союзнику Бухарину – главному редактору “Правды”⁶⁰. 17 февраля “Правда”, находившаяся под контролем Бухарина, открыла огонь по “На посту” статьей Осинского. Последний высказывался за тактичное обращение с попутчиками. Они должны были учить “подрастающие кадры” художественным навыкам, а вовсе не неметь в словесных погромах⁶¹.

Представители пролетарских взглядов на литературу шли таким образом предупрежденными на первое заседание Комиссии Политбюро “О пролетарских писателях”. Название указывает, о чем шла речь: партию не так уж сильно заботили отношения с попутчиками, с которыми наполовину все уже уладилось. Гораздо больше Политбюро волновалось о поведении близких союзников, группы “На посту”. Их требования напоминали о требовании Пролеткульта, желавшего после революции стать руководящим и боевым органом “третьего фронта”. Однако ни в 1920, ни в 1925, ЦК не признавал возможным никакого руководства, кроме своего собственного.

Из восьми членов комиссии присутствовали только Варейкис, Бухарин, Фрунзе и Луначарский, все – политики, от которых “На посту” не мог ожидать поддержки. ВАПП был представлен Вардиным, Родовым, Раскольниковым и Лелевичем, “Перевал” – Артемом Веселым, “Кузница” – Якубовским, и “ЛеФ” – Маяковским. “Национальное бюро пролетарских писателей” послало на встречу

⁵⁸ Власть 1999, 688.

⁵⁹ Власть 1999, 50.

⁶⁰ РГАСПИ, ф.17, оп.3, д.487, л.3; см. также Галушкин 2000, 111-112; РГАСПИ, ф.17, оп.3, д.487, л.1.

⁶¹ Eimermacher 1994, 336, 337.

Валайтиса и Байдильдина, “Всероссийский союз крестьянских писателей” – Деева-Хомяковского. Плетнев представлял Пролеткульт.

“Персонально” присутствовали Соловьев, Лебедев-Полянский, Воронский, Канатчиков, Бляхин, Нарбут, Шуйский, Шафир, Зорький и секретарша Коганерова⁶². По этому перечислению имен становится ясно, что здесь отчетливо шла речь об интересах структур, даже если Лебедев-Полянский, возможно, представлял Главлит неофициально, также как и Воронский – “Красную Новь”, а аппаратчик Нарбут – отдел печати.

Варейкис и Бухарин яростно критиковали линию “На посту”. В их выступлениях на дискуссии содержалась уже немалая часть того, что потом нашло отражение в резолюции о литературе. Варейкис признал, что одна из целей партии должна состоять в поддержке рабоче-крестьянской литературы. Дальше он говорил об идеологическом влиянии на попутчиков и политическом руководстве ими. Однако он предупреждал от бюрократических мероприятий: литература не может управляться при помощи директив.

Заведующий отделом печати пояснил, что партия ни в коем случае не передавала ВАППу своих полномочий; в этой взаимосвязи он говорил о “богдановском уклоне” напостовцев⁶³. В качестве инструментов более тактичного руководства литературой он назвал вошедшие позднее в резолюцию о литературе мероприятия:

1. Насыщение редакций периодики и издательств политически надежными соратниками.
2. Использование инструмента критики, от которого стоило ожидать эффективного воспитания писателей – это требование все чаще появляется в установках коммунистических литературных политиков.
3. Враждебные писатели должны быть приведены к молчанию посредством цензуры, нелюбимые издательства – посредством бойкота⁶⁴.

Если Варейкис нападал на ВАПП в целом, и делал это относительно абстрактно и осторожно, то Бухарин разразился немедленными ударами по Вардину, вождю радикалов, который в один момент превратился в козла отпущения. Наряду с отдельными идеологическими ошибками, Бухарин упрекал Вардина в самодовольстве и непонимании коммунизма. “На посту” отклонял директивы

⁶² Счастье 1997, 13.

⁶³ Вопросы 1925, 187.

⁶⁴ Вопросы 1925, 181-188.

литературной политики (партии). Из-за его чрезмерной чувствительности партия могла осуществлять в этой области только “общее руководство” и должна была создавать “максимум соревнования” для литературных форм⁶⁵. Третий, вместе с Варейкисом и Бухариным, влиятельный участник этой дискуссии, расположенный к Воронскому, новый военный комиссар Фрунзе, также высказывался за “тактичное” отношение к попутчикам. По его мнению, надлежало привлечь на свою сторону и переделать мелкобуржуазные слои, а не отталкивать их радикальной пролетарской риторикой. Обостряющаяся классовая борьба – в этом Фрунзе целиком соглашался с Бухариным – не затрагивала Советский Союз, потому что здесь пролетариат уже овладел средствами политической власти, и поэтому был ответственен за ситуацию в стране⁶⁶.

Вардин, который говорил от лица “На посту” в одиночку, во время своего высказывания многократно перебивался ироническими репликами Фрунзе и Бухарина. Другие представители пролетарских организаций не потребовали слова, или не были к нему допущены. Доклады представителей других литературных групп (Плетнева, Веселого, Якубовского, Маяковского) не повлияли на ход событий⁶⁷. Резолюция основывалась в первую очередь на выступлениях Бухарина и Варейкиса.

Комиссия приняла предложение отдела печати и переслала его Бухарину”; переработанный последний вариант затем был вновь одобрен комиссией⁶⁸. В целом предложение содержало тезисы, которые Варейкис изложил в своем устном выступлении. Варейкис выразил свое отрицательное отношение к “вредному противопоставлению” попутчиков и “На посту” и высказался против свар между писателями⁶⁹.

Попытки изменить ход событий, такие как разговор Вардина со Сталиным 16 февраля⁷⁰ и жалоба пролетарских писателей из ЦК, в которой они требовали снять Воронского с руководства “Красной Новью”, остались без воздействия⁷¹. Политбюро перенаправило жалобу в комиссию Бухарина, где его и похоронили⁷².

⁶⁵ Вопросы 1925, 140-152.

⁶⁶ Eimermacher 1994, 486-492.

⁶⁷ Галушкин 2000, 2000, 113.

⁶⁸ Счастье 1997, 13.

⁶⁹ ИСПЦ 1997, 45-48.

⁷⁰ Власть 199, 688.

⁷¹ Галушкин 2000, 112.

⁷² РГАСПИ, ф.17, оп.3, д. 489, л.7.

На втором заседании комиссии присутствовали только ее члены Варейкис и Томский а кроме них: Ярославский, Лебедев-Полянский, Воронский, Плетнев, Бляхин, Нарбут, Шафир, Шуйский, Кон, Седлин и Коганерова. Писательские группы были представлены также Раскольниковым, Лелевичем, Родовым и Деевым-Хомяковским. Приглашать попутчиков сочли ненужным – они не составляли проблемы. Представителям писательских объединений вручили уже переработанный Бухариным проект и попросили о предложениях по улучшению. Если такие предложения и поступили, то никакого внимания они не нашли⁷³.

7 мая Политбюро потребовало от комиссии в течение недели представить результаты своей работы⁷⁴. Четырьмя днями позже, 11 мая, комиссия заседала по этому поводу в узком составе. Присутствовали Варейкис, Бухарин, Бляхин и Коганерова. Было принято и отправлено Политбюро предложение Бухарина. 18 июня 1925 г.⁷⁵ Политбюро приняло предложение Бухарина, которое, по всей вероятности, было прочитано, хотя никак и не откорректировано, Сталиным. Если даже генеральный секретарь и захотел внести какие-то поправки, в любом случае обошлось без громких возражений⁷⁶.

Официально своей резолюцией партия поставило точку над протекавшей в области литературной политики многие годы дискуссией. Первая попытка была сделана уже в решении съезда партии в мае 1924. Однако не на руку партии сыграл ее собственный аппарат во главе с Канатчиковым, симпатии которого вдохновляли пролетарских писателей. Под покровом сравнительно либеральной резолюции отдел печати, по меньшей мере, до назначения Варейкиса, проводил иную политику, преждевременный конец которой положило только перераспределение власти в партийной верхушке.

Содержательно резолюция была центристской и по преимуществу состояла из уже пересказанных выше взглядов Варейкиса и Бухарина. В целом это была сравнительно искренняя попытка группы Бухарина принести в литературную политику хоть немного покоя; этому отвечали победа над прежним руководством ВАППа и подтверждение *mutatis mutandis* проводившейся с 1922-23 гг. литературной политики.

⁷³ Галушкин 2000, 115.

⁷⁴ РГАСПИ, ф.17, оп.3, д. 502, л.7.

⁷⁵ Галушкин 2000, 115-116;

⁷⁶ Волкогоноё 1997, 234; Коржихина 1997, 125; Громов 1998, 69-70.

В то же время было бы ошибкой говорить о том, что литературная политика партии в целом претерпела общую либерализацию. Официальное идеологическое послабление на высшем уровне Политбюро и литературных групп сопровождалось более систематической деятельностью по контролю и руководству, которая осуществлялась аппаратом ЦК (т.е. отделом печати).

Под прикрытием литературной резолюции отдел печати уже в мае усилил идеологический и политический контроль над издательствами. Прежде всего на локальном уровне обнаружились недостатки, которые захотели устранить контролем над предварительными планами изданий (раньше довольствовались одобрением и оценкой вышедшей продукции). Отдел печати при посредстве постоянно действующих комиссий в отдельных областях литературы (крестьянская, рабочая, беллетристика и т.д.) захотел добиться лучшей связи с редакциями издательств и журналов, прежде всего с Госиздатом, который в любом случае работал не совсем удовлетворительно. Для ЦК речь прежде всего шла о том, чтобы получить полный идеологический контроль над программой изданий, и по возможности руководить ею в интересах партии⁷⁷.

Майкл Фокс справедливо говорит о том, что понимать резолюцию 1925 года как следствие идеологического нейтралитета ЦК было бы упрощением⁷⁸. На самом деле двадцатые годы отличались не только стремительной радикализацией органов цензуры. В партийном аппарате также все были полностью уверены в том, что абсолютно любая литература нуждается в их всеохватывающем контроле. Об этом свидетельствуют высказывания не только Бляхина и Варейкиса⁷⁹, но и реплика самого заведующего отделом, секретаря ЦК Молотова:

У нас нет полной свободы печати для всех партий, для всех купцов. Этого нет. И мы не можем допустить этой полной свободы. [. . .] Кто же в таком случае будет защищать интересы читателя. Конечно, только партия. Интересы читателя защищать нужно и партия должна защищать их интересы. Только через партию можно это сделать, только через нее можно повести борьбу против плохой, ведомственной, партийной, профессиональной и всякой другой литературы. Тут надо взять более твердое руководство.⁸⁰

Решение Политбюро летом 1925 г. о деятельности на книжном рынке обнаруживает ту же тенденцию. По всей вероятности, это решение происходит

⁷⁷ Наша Печать, 69; РГАСПИ, ф.17, оп.112, д. 664, л.2, 20.

⁷⁸ Фокс 1992, 1045.

⁷⁹ РГАСПИ, ф.17, оп.112, д. 664, л.52, 53, 66, 67.

из мастерской Варейкиса. Оно предусматривало широкое распространение и интенсификацию цензуры. Речь идет о частных издательствах, преследовавших исключительно экономические интересы. Главлит больше не должен их терпеть. Научная литература должна распространяться в больших тиражах, только если там нет анти-марксистского содержания (это предписание касалось естественных наук, философии и экономики). Религиозную литературу разрешалось публиковать и дальше, но исключительно ту, которая использовалась в литургических целях. Книги для детей и юношества дозволялись, только если они служили “коммунистическому воспитанию”⁸¹. В том, что касается беллетристики, очень трудно углядеть ту кажущуюся терпимость, которая отличала памятную резолюцию о литературе. Так, с точки зрения ее влияния на массы, вновь отмечалось:

[В] области художественной литературы, по вопросам искусства, театра и музыки ликвидировать литературу, направленную против советского строительства, и поток бульварщины, разрешая в отдельных случаях те из изданий легкого жанра, которые способствуют распространению советского влияния на широкую мещанскую массу.⁸²

На следующем этапе Главлит становился высшей цензурной инстанцией, т.е. нес последнюю ответственность за публикации Академии Наук и Государственного издательства. Теперь практически все письменные тексты подлежали предварительной цензуре, в том числе плакаты, призывы, рекламные объявления, приглашения, конверты писем или даже упаковки спичек⁸³.

Вместе со всевозможными видами кнута, осуществляя контроль и руководство, в отделе печати не забывали и о пряниках. Первые шаги к осоторожному наделению писателей привилегиями были сделаны уже в 1922. Осенью 1925 при отделе печати была создана комиссия под председательством Варейкиса, которая прежде всего заботилась об улучшении материального положения писателей:

Комиссия [. . .] согласилась с предложением секции работников печати об увеличении авторского гонорара до 240 руб. за лист художественной прозы и 1 рубля за строчку е^йхов. [. . .] Комиссия признала необходимым учредить литературный орган для поддержки писателей. Средства фонда должны состояться из отчислений издательств, секции работников печати,

⁸⁰ РГАСПИ, ф.17, оп.112, д. 664, л.53-54.

⁸¹ ИСПЦ 1997, 49.

⁸² ИСПЦ 1997, 48.

⁸³ Блюм 1994, 88-89.

членских взносов и т. п. Признано необходимым организовать комиссию по делам художественной литературы и писательских организаций при коллегии Наркомпроса РСФСР.⁸⁴

По указанию отдела печати Наркомпрос выделил ВАППу 10000 рублей⁸⁵. Заместитель наркома, Яковлева обосновала факт поддержки пролетарским характером ВАППа (официально Наркомпрос не поддерживал никаких литературных течений)⁸⁶.

На конгрессе “работников печати” с 21 по 25 октября 1925 г., также обсуждались и литературные вопросы⁸⁷. В своем докладе Варейкис представил некоторые необходимые по его мнению мероприятия в издательском деле. Число и влияние частных издательств уже упало. В 1922 г. частных издательств было 223, в 1924 – только 140⁸⁸. Однако в государственных издательствах, по мнению отдела печати, их руководители слишком усердно занимались хозяйственным положением своих учреждений, и слишком мало – идеологической стороной. Варейкис – как и Молотов полгода назад – полностью отождествил интересы партии и народных масс:

Главное -- дать хорошую книгу, обслуживающую интересы читателей, такую книгу, которая отвечала бы требованиям партии, интересам трудящихся.⁸⁹

Главная цель Отдела печати вытекала отсюда с необходимостью. Она состояла в том, чтобы уверенно поставить своих людей на все важные редакционные посты.

В качестве наиболее важных задач по отношению к писательским организациям Варейкис принимал те, что уже более или менее четко были определены в резолюции о литературе. Критикуя пролетарские организации писателей, он в то же время настаивал на поддержке революционных авторов как главной цели отдела печати. Заведующий отделом, без громких высказываний, отдалялся от пролетарского понимания культуры. Литература должна была быть “социалистической”, “революционной” или “советской”. Варейкис принял неудачу летней попытки создать союз писателей. Однако он дал понять, что и

⁸⁴ КП 22 (1925), 56-57.

⁸⁵ ДВ Obj. 3844, 3846.

⁸⁶ Коржихина 1997, 145.

⁸⁷ КР 23 (1925), 5, 8.

⁸⁸ КР 23 (1925), 18.

⁸⁹ КР 23 (1925), 18.

вдальнейшем главным делом партии будет создание объединенной организации, которая станет проводить партийную линию в литературе⁹⁰.

Для достижения этих целей Варейкис, наряду с созданием объединения, предлагал взять непролетарскую литературу в еще более ежовые рукавицы:

Никакой свободы печати, „свободы“ литературы не может быть в классовом обществе. Речь идет о том, какому классу служит данная литература, данный писатель. Наша задача состоит в том, чтобы заставить писателя служить делу социализма, чтобы он свои силы приложил именно на это строительство, а не оплевывание нашей революции, не на высмеивание того „хаоса“, которым он считает революцию, ворвавшуюся стихийным кровавым бураном в его обывательскую жизнь. (Примером такой идеологии является творчество Булгакова).⁹¹

С другой стороны, надеялись более успешно продолжать те попытки, которые начал уже Брюсов. Воспитанию новых “революционных” писателей должны были среди прочего служить стипендии и улучшение материального положения писателей. В этом Варейкис видел возможную область работы писательских организаций:

Хорошо было бы, если бы организация ВАПП вместо своих высоких рассуждений о политике занялась созданием образцовой учебной студии, что встретило бы большое поощрение и поддержку со стороны ЦК.⁹²

Литературная политика в узком смысле этого слова, т.е., прежде всего, работа с писательскими организациями, вовсе не была прекращена, когда бухаринская резолюция обозначила более либеральное обращение с литературой. Скорее случилось прямо противоположное.

Как впоследствии выяснилось, резолюция о литературе намечала два направления главного удара:

- Во-первых, всем участникам литературного процесса должно было стать ясно, что только партия имеет право принимать решения и давать указания. Тем самым резолюция должна была успокоить попутчиков. В то же время партия предоставляла всем желающим сотрудничать с нею писателям возможности для работы и экономические привилегии.

⁹⁰ КР 23 (1925), 20.

⁹¹ КР 23 (1925), 19.

⁹² КР 23 (1925), 20.

- Во-вторых, резолюция должна была стимулировать создание единой писательской организации – шаг, который имел своей целью приблизить вождя партийное руководство литературой.

При выполнении этих задач отдел печати поддерживал проекты, которые шли снизу, инициировались самими литературными объединениями. Считалось важным при деятельности партии натянуть на себя маску, и не создавать впечатления, как будто партия распорядилась об объединении писательских союзов.

Исследования последних лет не способны с окончательной документальной ясностью доказать, что декларация об основании “Федерации советских писателей” была продиктована отделом печати⁹³. Вероятно, это никогда и не получится сказать с полной уверенностью, поскольку фонды отдела печати становятся все скуднее с середины 20-х годов, а соответствующие разыскания в других архивных фондах также не дали результата⁹⁴. Однако следует принять, что декларация от 14 июля была инспирирована не только резолюцией о литературе, но и конкретными указаниями из отдела печати. Можно быть уверенными в том, что без поддержки со стороны ЦК литературные союзы не решились бы на объединение. Кроме того, начиная с 1923 г., политика отдела печати была направлена на создание всеобщего союза писателей.

Запрос Варейкиса Луначарскому от 14 августа свидетельствует о том, что в отделе печати резолюцию от 18 июня поняли как распоряжение нижестоящим инстанциям позаботиться об объединении писателей. Заведующий отделом печати интересуется тем, какие шаги принял Наркомпрос для того, чтобы воплотить резолюцию в жизнь. При этом отчетливо формулируется требование о необходимости объединения писательских организаций⁹⁵.

И если тем не менее желанный успех был достигнут не сразу, то это прежде всего зависело от *материала*, который надо было привести к объединению. Даже в рядах пролетарских писателей были очень жесткие противоречия по поводу сути создаваемой организации. По большей части дело было в обыкновенной борьбе за власть, но это ничуть не меньше препятствовало созданию федерации.

⁹³ Кларк 2000, Metcalf 1987.

⁹⁴ Архивный проект Института им. Лотмана в этом отношении пока не дал никаких результатов.

⁹⁵ DB Obj. 5893.

Как минимум, с июня за руководство ВАППом начали бороться “правая” и “левая” группы. Вначале перевес был у левой фракции во главе с Вардиным, Родовым и Лелевичем, однако с ноября преимущество захватили правые во главе с Авербахом, Либединским, Никифоровым, Киршоном, Санниковым, Валяйтисом и другими. Они просили у ЦК не только лишить полномочий группу Вардина. Правая фракция выдвигала также условия возможного приема Всероссийского Союза Писателей (ВСП) в Федерацию Советских Писателей (ФСП)⁹⁶. В конечном счете, идеологические позиции обеих групп не очень различались, но “правые” в это время больше преуспевали в пресмыкательстве перед отделом печати; уже тогда они потребовали отвергнуть от кормушки ФСП “нелюбимых” буржуазных писателей (таких как Замятин)⁹⁷.

Отдел печати решился – при всей подозрительности которую испытывали к Авербаху и его союзникам⁹⁸ – в пользу правых, которые сумели собрать в ВАППе больше приверженцев. На их сторону склонились некоторые достойные упоминания пролетарские писатели, такие как Либединский или Фурманов – преимущество, которое трудно было переоценить при очевидной творческой слабости группировавшихся вокруг ВАПП писателей. “Чрезвычайная всесоюзная конференция ВАППа” в феврале 1926 оформила поражение Вардина и его союзников⁹⁹.

Новое руководство отдела печати, которым с 1 февраля заведовал Василевский, не лишило переструктурированный ВАПП своей поддержки¹⁰⁰. 5 марта 1926 г. был отдан в печать первый номер журнала “На литературном посту”¹⁰¹. Кларк называет в качестве основной причины поддержки новых руководителей ВАППа отделом печати одобрительное отношение последнего к резолюции о литературе¹⁰². Прежде всего полное подчинение партийной воле, выраженное в ноябрьском указании 1925 г., могло побудить функционеров отдела печати к взвешенности позиции.

При этом казалось рациональным задействовать свежие головы для того, чтобы попытаться привлечь близких к ВСП и других попутчиков к созданию писательской федерации. Даже если Кларк считает, что эпоха “На посту” была

⁹⁶ РГАЛИ, ф.1785, оп.2, д.83, л.18, 23.

⁹⁷ РГАЛИ, ф.1785, оп.2, д.83, л.16.

⁹⁸ РГАЛИ, ф.1785, оп.2, д.83, л.1-24.

⁹⁹ Eimermacher 1994, 72-73.

¹⁰⁰ РГАСПИ, ф.17, оп.113, д.165, л.8.

¹⁰¹ Кларк 2000, 215, 223.

¹⁰² Кларк 2000, 215.

более либеральна, чем период “На литературном посту”¹⁰³ (мнение, с которым никак нельзя согласиться), в любом случае партии казалось более целесообразным где только можно отказаться от таких старых бузотеров как Вардин, Лелевич и Родов. Причина была проста – у них отсутствовала всякая способность к интеграции из-за недоверия, которое они приобрели в многолетних боях с попутчиками. Другими словами: у них было уже слишком много врагов. Вардин и Лелевич больше не могли надеяться и на сталинскую поддержку¹⁰⁴. Поэтому Вардин впоследствии встал на сторону оппозиции¹⁰⁵.

С переориентацией ВАПП был сделан важный шаг в направлении федерации. “На литературном посту” мощно поддерживал эту идею, при чем это объединение находилось в тесном контакте с отделом печати. В майском номере журнала его сотрудник Раскольников высказался за федерацию¹⁰⁶.

В то же время партия предпринимала дальнейшие шаги к объединению писателей. В августе она открыто заявила о своих претензиях не только на цензуру неблагонадежных, но и на активное руководство всей литературой. Отдел печати получил полномочия (которыми он на деле уже давно обладал) на “идеологическое и политическое руководство печатью”. Ему перепоручались контроль над редакционными и издательскими планами и руководство “литературой для масс”; в особенности он объявлялся ответственным за проведение “линии партии в писательских организациях”¹⁰⁷. Вплоть до осени 1926 писателей, прежде всего членов ВСП, подвергали дальнейшей проработке. В опросе, проведенном журналом “Жизнь искусства” за создание Федерации высказалось подавляющее большинство¹⁰⁸. В конце 1926 – начале 1927 была учреждена Федерация Советских Писателей (ФСП)¹⁰⁹.

“Кузница”, “ЛеФ”, “Перевал” и конструктивисты (подписи которых стояли под резолюцией июля 1925), первоначально не вступили в федерацию, но решились это сделать в феврале. Тон в новом объединении – при помощи тонких ходов и интенсивной борьбы за власть, в детали чего в данной статье нецелесообразно вдаваться) – задавал ВАПП, который контролировал руководящие органы ФСП. Группа руководства во главе с Авербахом находилась в это время под влиянием

¹⁰³ Кларк 2000, 217.

¹⁰⁴ Громов 1998, 72.

¹⁰⁵ Волкогонов 1997а, 66-68; КП 1 (1927), 10.

¹⁰⁶ Eimermacher 1994, 555-559.

¹⁰⁷ СПР VI, 1 (1927), 754; Изв. 35-36 (1925), 5-6; Eimermacher 1994, 74.

¹⁰⁸ Eimermacher 1994, 571-582.

¹⁰⁹ Данные варьируются.

Отдела печати. В конце 1926 г. Авербах говорил о том, что каждый важный шаг приходилось обговаривать с партией¹¹⁰.

Еще до создания ФСП партия диктовала свои решения ВАППу и заставляла принимать их от его имени; иными словами, пролетарская писательская организация функционировала как псевдоним партии¹¹¹. При этом, с середины 20-х годов, наметился поворот, который стал значим в общеполитических масштабах только заметно позже. Старые большевики, такие как Вардин или Воронский, которые еще недавно играли значительную роль в литературной политике, замещались на молодую смену (*выдвиженцев*). И если для таких старых бойцов как Демьян Бедный (который отказывался работать с ними в любых формах)¹¹² эти очень часто совершенно необразованные “мальчики” были занозой в глазу, то функционеров отдела печати очень даже устраивали такие их качества как карьеризм, оппортунизм и безоглядность.

Пятая фаза: открытое обострение литературной политики.

После того как “левая” оппозиция внутри ВАППа была оттеснена с боевого поля, для партии стало возможным перейти от маневров к непосредственным боевым действиям, направленным против главной крепости попутчиков, журнала “Красная Новь” Воронского.

Высшие органы партии, в том числе и Политбюро, все еще обсуждали структуру писательской Федерации. В частности, они не были согласны и по поводу устройства запланированного издательства ФОСП¹¹³. Отдел печати в это время был занят сбором информации о положении литературных организаций и прежде всего о взаимоотношениях местных отделов печати и местных ВАППов¹¹⁴. Разрабатывали резолюцию Политбюро о писательских организациях, которая должна была увидеть свет в мае¹¹⁵.

Гусев – новый заведующий отделом печати – одновременно повел фронтальное наступление на Воронского, воспользовавшись в качестве повода статьей, где

¹¹⁰ Рогачевский 2000, 270-271; Metcalf 1987, 615; Eimermacher 1994, 74, 75; РГАЛИ, ф.1698, оп.1, д.924, л.18.

¹¹¹ РГАЛИ, ф.1698, оп.1, д.924, л.60.

¹¹² РГАЛИ, ф.1698, оп.1, д.924, л.50, 51.

¹¹³ Рогачевский 2000, 271; Коржихина 1997, 151.

¹¹⁴ Счастье 1997, 41-42.

¹¹⁵ РГАСПИ, ф.17, оп.3, д.633, л.3-4 и *passim*.

тот критиковал стремление ВАППа к гегемонии в ФОСП¹¹⁶. Воронский между делом выразил также сомнение в пользе от Федерации, которая, как он считал, стала “литературно-бюрократическим центром”¹¹⁷. Пожалуй, в этот момент Гусева устроил бы любой повод для того, чтобы напасть на Воронского. В номере “Правды” от 30 апреля и в передовице апрельского издания “Красной печати” он формально напал на Воронского и обвинил его в том, что тот не желает Федерации успехов¹¹⁸. Кроме этого, Гусев нашел у Воронского множество идеологических ошибок.

Позиция Гусева нашла свою высшую точку в обвинении в том, что за высказываниями Воронского не прячется ничего, “кроме плохо прожеванного, недостаточно переваренного и дурно сформулированного троцкизма”¹¹⁹. Для ФСП и советских писателей Гусев провидел участие в культурной революции и в строительстве новой жизни¹²⁰. На этой стройплощадке Воронскому места не оставалось.

Политбюро вначале (т.е. 5 мая) попыталось направить создание союза писателей на другие рельсы. Резолюцию разработали Гусев, Луначарский и Бройдо. Во-первых, было решено улучшить экономическое положение писателей. В этом следовали за предложениями уже упомянутой комиссии Кржижановского, руководителя Госплана. Работа писателей должна была в деталях быть сопоставленной с деятельностью рабочих и служащих. Наркомпрос и профсоюзы потребовали от Политбюро привести в правовую форму нормы оплаты писательской работы.

Гусеву, Луначарскому и Кнорину (начальнику Агитпропа) поручили дальше разрабатывать планы Всесоюзной федерации писателей. В издательство федерации Политбюро захотело преобразовать издательство “Круг”, которое до этого контролировал Воронский. На это были отведены крупные субсидии в размере 300 000 рублей (из которых 200 000 направлялись в издательство). Фонд в 100 000 рублей оставался под контролем Отдела печати и должен был служить поддержке нуждающихся писателей. Особенные симпатии Политбюро доставались при этом приходящему на смену поколению. Главная цель этого решения состояла в том, чтобы усилить влияние партии на писателей¹²¹.

¹¹⁶ Eimermacher 1994, 586-592.

¹¹⁷ Eimermacher 1994, 472.

¹¹⁸ КП 7 (1927), 3-9.

¹¹⁹ КП 1 (1927), 8.

¹²⁰ КП 1 (1927), 9.

¹²¹ РГАСПИ, ф.17, оп.3, д.633, л.3-4.

Летом отдел печати еще под руководством Гусева усиленно поддерживал пролетарскую литературу. Это осуществлялось преимущественно в соответствии с частными инициативами, и не основывалось на дословном выполнении решений Политбюро, которые обычно не конкретизировали открыто, каким писателям, пролетариям или попутчикам, принадлежали симпатии партии.

В июне ответ Воронского остался в канцелярии Гусева без реакции¹²². Вместо этого коллегия отдела печати 15 июня 1927 (т.е. почти точно два года спустя после резолюции 1925) учредила комиссию, дав ей поручение выработать новую резолюцию о литературе. В состав комиссии вошли Бумажный, Лазьян, Зонин, Аршаруни и Субботин¹²³. Однако результаты их работы неизвестны.

В то же время “общественная работа” Отдела печати и Агитпропа показывает, что в аппарате все больше склонялись к представлениям пролеткультовского толка. Конечно, неизвестно никакой директивы или указания Сталина на этот счет. Однако отделы ЦК ни в коем случае не стали бы осуществлять свою политику без распоряжения или хотя бы согласия генерального секретаря.

Уже в мартовском номере “Красной печати” сотрудник отдела печати Рудой в статье “Пора взяться за работу” потребовал, чтобы писатели (скорее рассматривавшиеся здесь как рабочие на производстве) отвернулись от элитарной книги и повернулись лицом к массовому читателю. Рудой призывал писать книги на народном языке, что могло бы установить связь с “читательской массой”. Его представления о будущей книге для масс очевидно основывались на идеях пролетарских идеологов:

Это [. . .] книга, освещающая жизнь рабочего в производстве выдвигающая вопросы, интересующие рабочего в его быту, на работе, рисующая заводскую общественность, выросшую за последние годы.¹²⁴

Рудой требовал создания единого центра, который должен был бы заниматься изданием единственно “массовой рабочей литературы” (заметим, что советское управление печатью этого времени просто кишело такими “единицами центрами” по всем мыслимым вопросам). Рудой мог бы быть в какой-то мере удовлетворен тем, что отдел печати предписал “культотделу” профсоюзов до мая 1927 г. создать “комиссию по изучению идеологических запросов рабочего читателя”.

¹²² Eimermacher 1994, 597-602.

¹²³ РГАСПИ, ф.17, оп.60, д.1050, л.4.

Кроме представителей “Книжно-журнального подотдела” в нее должны были входить сотрудники из ГПП, Агитпропа, Комсомола и Госиздата:

Для объединения и подытоживания работы по изучению идеологических запросов рабочего читателя должен быть созван ряд совещаний по рассмотрению следующих вопросов: 1) работа над повышением типа и качества массово-рабочей книги; 2) выявление и подготовка авторских сил по массово-рабочей литературе; 3) методическое руководство работой издательств в области массовой рабочей книги.¹²⁵

Однако авторы, которые должны были своими работами потрясти массового читателя, пока заставляли себя ждать; хотя определенная типизация литературы, по сообщению “Книжно-журнального подотдела”, отчасти уже началась. В любом случае, до выполнения всех желаний было еще далеко. Прежде всего переориентация на массового читателя – по меньшей мере, такова была точка зрения отдела печати – таила для издательств множество трудностей.

Далеко не все издательства типизированы. [. . .] Некоторые изд-ва в погоне за прибылями издают литературу, идеологически нам чуждую как рассчитанную на высококвалифицированного читателя, так равно и идущую в широкую массу. Слабо проводится директива об установке на массовую, в частности массовую техническую литературу. Выпускаемая продукция в большинстве случаев рассчитана на верхушечные слои читателей. Это помимо художественной литературы - особенно заметно также в литературе общественно-политической, технической и педагогической.¹²⁶

До новой резолюции о литературе дело дошло не сразу. Главлиту и отделу печати приходилось все время доводить до сведения издательств, что от них всерьез ждут типизации или даже закрытия. На заседании 29 июля коллегия отдела печати под председательством Гусева решила пойти на жесткие меры по ограничению издательской деятельности:

Считать необходимым:

а/ ограничить деятельность изд-ва „Долой Неграмотность”, выпуском литературы в объеме задач ОДН, предложив Кн. Журнальному П/Отделу Отдела Печати ЦК определить рамки деятельности этого издательства, б/Поручить Главлиту проработать вопрос о возможности закрытия изд-ва „Право и Жизнь”.

в/ Воздержаться от разрешения новых издательств писательских объединений.

г) Издательство АХРР типизировать в направлении издательства изобразительных искусств.

д) Держать курс на объединение до 1 января 1928 г. всех распыленных издательств в единое Теиздательство.

3) Считать необходимым, чтобы издательства, печатающие свои издания в нескольких местах или имеющие периферию, представляли единый план по месту регистрации издательства.

¹²⁴ КП 5-6 (1927), 64.

¹²⁵ КП 10 (1927), 64.

¹²⁶ КП 11 (1927), 28.

4) Предложить Главлиту совместно с Комитетом по делам печати разработать порядок изменения утвержденных планов.¹²⁷

[С]ледить за идеологической выдержанностью работы издательств и за устранением параллелизма между ними путем проверки и согласования редакционных планов;¹²⁷

На переднем плане при проведении этих мероприятий стояли не только экономические, но больше даже идеологические аспекты. Подавление частных издательств, объединение государственных, и централизация планов изданий должны были обеспечить возможность более удобного и надежного контроля. В дальнейшем будущем отдел печати видел существование одной писательской федерации, которая должна была обеспечиваться работой одного единственного издательства. Этой цели противоречило существование издательств других писательских организаций. Они должны были войти в федерацию, а не распространять шире свою деятельность.

Новая резолюция ЦК “Об улучшении партруководства печатью” от 3 октября 1927 г. была выработана отделом печати и подтверждала еще раз существующую линию¹²⁸. Отдаляясь от НЭПовского курса, ЦК критиковал “преобладание указаний хозяйственно-финансового характера над вопросами идеологического содержания печати”¹²⁹. В несокращенной редакции проекта отдел печати говорил о том, что этот недостаток наблюдается по большей части в издательствах. Выехать хотели на багаже старых идей, но на этот раз взялись за их выполнение серьезно. Во-первых, издательства подверглись суровым репрессиям:

[С]ледить за идеологической выдержанностью работы издательств и за устранением параллелизма между ними путем проверки и согласования редакционных планов;¹³⁰

Во-вторых, ЦК вновь интенсивно взялось за воспитание читателя; при этом должны были играть важные роли критика и библиография. Соответствующие отделы в газетах и журналах должны были стать “орудием идеологического воспитания читательской массы”¹³¹.

Самые большие проблемы, как поясняет вводный пункт резолюции, составленный М. Гусом (предположительно, псевдоним Гусева), видели в

¹²⁷ РГАСПИ, ф.17, оп.60, д.1050, л.16.

¹²⁸ РГАСПИ, ф.17, оп.60, д.1050, л.18, 19, 23-25; СПР VI, 1 (1927), 743-744; Изв. 39 (1927), 6; КП 18 (1927), 3, 4.

¹²⁹ РГАСПИ, ф.17, оп.60, д.1050, л.23; КП 18 (1927), 3.

¹³⁰ КП 18 (1927), 3.

¹³¹ РГАСПИ, ф.17, оп.60, д.1050, л.24.

“идеологической выдержанности работы местных издательств”¹³². Устранению этого недостатка должно было послужить введение в состав редакций работников Агитпропа.

10 октября Политбюро освободило с поста заведующего редакционной коллегией журнала “Красная Новь” Воронского, который благодаря нападкам Гусева уже лишился возможности сопротивляться¹³³. Новый состав коллегии включал в себя Василевского, Фриче и Раскольников (которые уже с апреля практически участвовали в работе), и подготовил опору для нового курса¹³⁴. Вероятно, по тактическим причинам, Воронского сперва окружили и только затем сняли с должности. Он был старым, проверенным партнером писателей, которым мог бы не слишком понравиться новый состав редколлегии. Об этом свидетельствует докладная записка, которую новая редколлегия (Раскольников, Фриче и Василевский) направили в ЦК в ноябре, т.е. после окончательной отставки Воронского. Многих писателей обеспокоило снятие Воронского, и они воздерживались от сотрудничества с новой редколлекцией¹³⁵.

Эта неудача не повлияла на целеустремленность отдела печати в поддержке пролетарской литературы. 8 ноября (т.е. почти на годичный юбилей учредительного собрания) была опубликована Декларация ФСП. Союз объявлял о своей полной солидарности с провозглашенными в первом пятилетнем плане целями культурной революции¹³⁶. Одновременно ВАПП и отдел печати вновь приступали к подготовке пролетарского съезда. 9 ноября Бумажный, новый (временный) заведующий отдела печати, обратился к ЦК с просьбой поддержать проект¹³⁷. Кадровое изменение (замена Гусева на Бумажного) таким образом в отличие от предыдущих решений по персоналу ничего не меняло в концепции работы отдела. Секретариат поддержал план. Организацию съезда ВАПП в январе 1928 г. посчитали “целесообразной”. Подготовительную работу поручили комиссии в составе Бумажного, Авербаха, Луначарского, Криницкого, Раскольникова, Василевского, Степкова и Н.И. Смирнова¹³⁸.

14 съезд партии в декабре 1927 г. показал со всей очевидностью, что партия впервые приняла в качестве генеральной линию пролетарских теоретиков культуры. Санкционировали линию ВАПП и решили усилить идеологическую и

¹³² КП 18 (1927), 6.

¹³³ Власть 1999, 77; Eimermacher 1994, 87.

¹³⁴ Кузнецов 1966, 215, 229; Eimermacher 1994, 87; РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.981, лл.23-27.

¹³⁵ РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.981, лл.23-27.

¹³⁶ Eimermacher 1994, 77, 605-607.

¹³⁷ Счастье 1997, 43-44.

¹³⁸ Власть 1999, 77; Счастье 1997, 44.

культурную борьбу¹³⁹. Однако к январю 1928 съезд подготовить не удалось. Разве что 27 января 1928 г. на должность председателя комиссии был назначен новый исполняющий обязанности заведующего отдела печати Н.И. Смирнов (предположительно, из секретариата)¹⁴⁰. Проблему, вероятно, все еще представляли разногласия во мнениях, имевшие место между представителями различных пролетарских писательских объединений. К этому добавлялись внутренние фракционные войны объединений.

Однако партия видела, что она на верном пути. В марте в записке секретариату Смирнов констатировал, что резолюция Политбюро от 5 мая 1927 г. успешно выполняется. Однако он выражал озабоченность тем, что ФСП еще не приступила по-настоящему к своей работе.

Почти год прошло со времени постановления Политбюро, о решениях комиссии Кржижановского несомненно широко известно в писательских кругах. Припятствия и волокита на путях осуществления постановлений комиссии Кржижановского стимулируют нездоровые настроения и дают основания группе Воронского предсказывавшего „провал“ Федерации липшую победу. Приезд М. Горького в СССР в мае нынешнего года несомненно должен быть учтен. Необходимо, чтоб к маю с/г были осуществлены главные мероприятия Политбюро чтоб Федерация смогла развернуть работу в новом помещении.¹⁴¹

После письма Смирнова секретариат принял решение о предоставлении писательским объединениям новой помощи. В частности, ЦИКу было поручено пересмотреть издательское право. Совнарком обязывали к тому, чтобы предоставить наконец для деятельности союза функционирующие издательство и помещения¹⁴².

В апреле 1928 г. наконец-то состоялся давно намеченный съезд пролетарских писателей. Последние меры по подготовке были приняты в апреле¹⁴³. Важное значение имело в первую очередь привлечение “Кузницы”, присоединение которой 29 апреля к съезду свидетельствовало о ее верности секретариату и в особенности генеральному секретарю. По видимости, этим было устранено последнее препятствие для объединения пролетарских писателей¹⁴⁴.

Съезд пролетарских писателей создал общую основу для ранее враждовавших ВАППа и “Кузницы”. Были основаны всесоюзная организация ВОАПП и российская организация РАПП. В ближайшие годы они должны были заставить

¹³⁹ Eimermacher 1994, 77; Кларк 2000, 217.

¹⁴⁰ Счастье 1997, 44.

¹⁴¹ РГАСПИ, ф.17, оп.113, д.608, лл.147-148.

¹⁴² РГАСПИ, ф.17, оп.113, д.608, л.6.

¹⁴³ Счастье 1997, 44.

¹⁴⁴ РГАЛИ, ф.1638, оп.1, д.52, лл.3, 3об.

о себе говорить¹⁴⁵. Криницкий, заведующий Агитпропом, которого секретариат уполномочил говорить на съезде¹⁴⁶, впервые соединил вместе слова, которые определяли культурную политику партии по меньшей мере до 1932, а скорее до 1934 года. Свою окончательную формулировку новый курс нашел месяцем спустя на “совещании об Агитпропе” Центрального Комитета, когда в резолюции, которую опять-таки озвучивал Криницкий, были изложены цели в области идеологии и политики на ближайшие годы: «[3]аострен[ие] классовой борьбы»¹⁶⁵, «Культурная революция», «культурн[ый] подъем», «социалистическ[ое] перевоспитан[ие] масс», «всемерн[ая] мобилизация пролетарских масс и особое усиление борьбы на идеологическом и культурном фронте», «переделк[а] психики масс», «переработка] всего буржуазного культурного наследства», «сплочен[ие] всех сил пролетарской литературы»¹⁴⁷. Таковы были цели, которые Криницкий, Агитпроп и ЦК объявили программными в 1928 году. В противоположность официально провозглашенной до того времени политике сосуществования партия перед лицом ожидаемого обострения классовой борьбы призвала к новым, наступательным целям.

Нараставшее на протяжении лет обращение к массам, заложенное уже в ленинской идеологии, теперь становилось инструментом систематической борьбы. Выступавшие всегда во множественном числе “массы” надлежало мобилизовать для борьбы против по большей части единичных элементов: “кулака, нэпмана и связанного с ними бюрократа”¹⁴⁸. Нетрудно распознать тоталитарную претензию, которая одушевляла этот замысел. Речь не шла здесь в первую очередь о приобретении власти или о конкретных политических целях, дело было уже не в том чтобы просто подчинить. Теперь нужно было полностью овладеть страной, уже не смягчая – как это было раньше – своих целей в угоду свободе искусства.

По-прежнему сохранялась линия на обучение пролетарских художников, писателей и т.п. буржуазному наследству; в этой части резолюция 1925 года оставалась в силе, что и подчеркивал Криницкий¹⁴⁹. Этот момент был сформулирован достаточно нечетко, для того, чтобы послужить аргументом в выяснении острых идеологических противоречий.

¹⁴⁵ См. Eimermacher 1994, 78 и сл.

¹⁴⁶ DB Obj. 6115.

¹⁴⁷ КП 17-18 (1928), 165-166; КП 9-10 (1928), 1-4.

¹⁴⁸ КП 17-18 (1928), 165.

¹⁴⁹ КП 9-10 (1928), 6.

Агитпроп, как и раньше, желал поставить “левых” попутчиков в ряды армии культурной революции, точно также, как и продолжать использовать уцелевшую литературу, “буржуазное наследство”. При этом Криницкий предупреждал от того, чтобы некритически принимать прошлое. Он потребовал вновь уделять большое значение “культурному содержанию революционной работы”, а не идеализировать классиков¹⁵⁰.

Наряду с опасностью справа Криницкий видел (намекая на Родова и Вардина) и “левые ошибки” в рядах ВАППа, попытки создать пролетарскую культуру “неведомо откуда”. Заведующий Агитпропом не расхваливал новое руководство РАППа/ВОАППа и упрекал их в “настроении многопольного представительства линии партии” и в “самодовольстве”. Криницкий еще раз четко пояснил, что ЦК определяет партийную линию; очевидно, что с 1921 года у аппаратчиков не поубавилось страха перед конкурентами в борьбе за власть.

Далее Криницкий потребовал повысить влияние партии на писательские организации (в желаемом масштабе эта цель была достигнута только в 1934 году, а именно ценой кончины советской литературы)¹⁵¹.

Обсуждение тезисов Криницкого показывает, что заведующий отделом ни в коем разе не был одинок в своих настроениях. Другие влиятельные функционеры, такие как Керженцев и Ингулов, также сурово требовали со всей радикальностью принятия новых мер¹⁵². Литература должна была – на чем настаивал Ингулов – стать одной из организующих сил социалистического строительства¹⁵³.

Тяжелую критику партии должен был выдержать Луначарский, который в своем докладе говорил о том, что в культурной жизни – вопреки тому, что утверждал Криницкий – нет никакой “правой опасности”¹⁵⁴. Среди других особенно жестко нападал за это на Луначарского Стецкий¹⁵⁵ – тогда заведующий ленинградским Агитпропом¹⁵⁶, а с ноября 1929 г. ставший, не иначе как из-за своей верности партийной линии, преемником Криницкого¹⁵⁷. Политика Луначарского по осторожной поддержке попутчиков отслужила свое.

¹⁵⁰ КР 17-18 (1928), 165-166, 178.

¹⁵¹ КП 9-10 (1928), 2-3, 5-6; КР 17-18 (1928), 167, 179.

¹⁵² Задачи 1928, 109.

¹⁵³ Задачи 1928, 132-133.

¹⁵⁴ Задачи 1928, 147-148.

¹⁵⁵ Задачи 1928, 156.

¹⁵⁶ РГАСПИ, ф.124, оп.1, д.1859, л.4.

¹⁵⁷ РГАСПИ, ф.17, оп.3, д.766, л.11.

В партии теперь у кормила встали сторонники жесткой линии и их (Ингулова, Стецкого и Керженцева) карьера продолжалась до лет Большого Террора. С этим поворотом к “открытой большевизации литературы”¹⁵⁸ начинается новый период культурной политики. Между 1928 и 1930 годами утверждается собственно сталинизм, стиль которого *mutatis mutandis* можно обнаружить уже в текстах Криницкого и в речах его агитпроповских сотрудников. Литературная политика НЭПа, которая долго искала свою собственную линию, перешла в новую фазу. Партия, курс которой долго колебался, не только из-за идеологической неопределенности, но и из-за дефицита средств власти, долгое время была не в состоянии возвести тоталитарную систему репрессий¹⁵⁹. Однако великий прорыв начинается, в том числе и в особенности, именно в области художественной литературы. Линия, которую партийный аппарат проводил в литературной политике, не позволяет назвать себя ни “мягкой”, ни “жесткой” – скорее, нужно говорить о зигзаге, внутренняя динамика которого неотвратимо привела к усилению репрессий, мелочной опеки над писателями и цензуры.

Библиография

Банк данных

[DB Obj.] Банк данных по архивному проекту Института им. Лотмана русской и советской культуры

Архивы

[РГАЛИ] Российский Государственный Архив Литературы и Искусства

[ГАРФ] Государственный Архив Российской Федерации

[РГАСПИ] Российский Государственный Архив Социальной и Политической Истории

Источники

Журналы

[Изв.] Известия ЦК

[КР] Коммунистическая Революция

[КП] Красная Печать

¹⁵⁸ Eimermacher 1994, 103.

¹⁵⁹ Plaggenborg 2000, 117.

[СПР] Справочник Партийного Работника

Опубликованные источники и исторические издания

- [Аймермахер 1992] Аймермахер, Карл: В тисках идеологии. Антология литературно-политических документов. 1917-1927, Москва 1992.
- [Власть 1999] Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) - ВКП(б), ВЧК - ОГПУ - НКВД о культурной политике. 1917 - 1953. Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов, Москва. 1999.
- [Вопросы 1925] Вопросы Культуры при Диктатуре Пролетариата. Сборник, Москва/Ленинград 1925.
- [Динерштейн 1972] динерштейн, Е.А.; Яворская, Т.П. (Публ.): Издательское дело в первые годы Советской власти, 1917-1922. Сборник документов и материалов. Т. 1, Москва 1972, 11-12.
- [Двенадцатый съезд 1968] Двенадцатый съезд РКП[б]. 17-25 апреля 1923 года. Стенографический Отчет, Москва 1968.
- [Задачи 1928] Задачи агитации, пропаганды и культурного строительства. Материалы агитпроповсещения при ЦК ВКП(б). Май-Июнь 1928 г. Под редакцией Б. Ольхового, Москва/Ленинград 1928.
- [ИСПЦ 1997] Горяева, Татьяна (Публ.): История советской политической цензуры. Документы и комментарии, Москва 1997.
- [ЛН 93 (1983)] Литературное наследство. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования, Москва 1983.
- [Наша Печать] Отдел Печати ЦК РКП(б): Наша печать. Под общей редакцией М. Варейкиса, Москва 1925.
- [Счастье 1997] Бабиченко, Денис (Публ.): «Счастье литературы». Государство и писатели, 1925-1938 гг. Документы, Москва 1997.
- [Тринадцатый съезд 1963] Тринадцатый съезд РКП (б). Май 1924 года. Стенографический Отчет, Москва. 1963.
- [Eimermacher 1994] Eimermacher, Karl (Hg.): Die sowjetische Literaturpolitik 1917-1932. Von der Vielfalt zur Bolschewisierung der Literatur. Analyse und Dokumentation, Bochum 1994.

Научная литература

- [Блюм 1994] Блюм, Арлен: За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917-1929, Санкт Петербург 1994.

- [Волкогонов 1997] Волкогонов, Дмитрий: Сталин. Политический Портрет. В двух книгах. Книга 1. Издание четвертое, Москва 1997.
- [Волкогонов 1997a] Волкогонов, Дмитрий: Троцкий. Политический Портрет. В двух книгах. Книга 2, Москва 1997.
- [Галушкин 2000] Галушкин, Александр: Над строкой партийного решения. Неизвестное выступление В. В. Маяковского в ЦК РКП(б). // Новое Литературное Обозрение № 41 (2000), 108-130.
- [Громов 1998] Громов, Евгений: Сталин. Власть и искусство, Москва 1998.
- [Кларк 2000] Кларк, Катерина: РАПП и институционализация. советского культурного поля в 1920-х - начале 1930-х годов. // Соцреалистический Канон. Под общей редакцией Ханса Гюнтера и Евгения Добренко, Санкт Петербург 2000, 209-223.
- [Коржихина 1997] Коржихина, Татьяна: Извольте быть благонадежны!, Москва 1997.
- [Кузнецов 1966] Кузнецов, М.М.: Красная Новь // Очерки истории русской советской журналистики. [Т.1] 1917-1932, Москва 1966, 229-230.
- [Примочкина 1998] Примочкина, Наталья Николаевна: Писатель и власть. М. Горький в литературном движении 20-х годов. 2-е изд., доп., Москва 1998.
- [Рогачевский 2000] Рогачевский, Андрей: В преддверии Союза Писателей СССР: ФОСП и институциональные рамки объединения советских писателей в 1920-е годы. // Соцреалистический Канон. Под общей редакцией Ханса Гюнтера и Евгения Добренко, Санкт Петербург 2000, 267-278.
- [Яковлев 2000] Яковлев, Александр: Крестосев, Москва 1999.
- [Chlewnjuk 1998] Chlewnjuk, Oleg W.: Das Politbüro. Mechanismen der politischen Macht in der Sowjetunion der dreißiger Jahre, Hamburg 1998.
- [Fitzpatrick 1973] Fitzpatrick, Sheila: The Soft Line. // The cultural front : power and culture in revolutionary Russia. Ithaca, NY u.a. 1992, 91-114.
- [Fox 1992] Fox, Michael S.: Glavlit, Censorship and the Problem of Party Policy in Cultural Affairs, 1922-28. // Soviet Studies 44, 6 (1992), 1045-1068.
- [Grabowsky 2001] Grabowsky, Ingo: Zur Entstehung des bol'sevikischen Propagandaapparates. // Becker, Petra; Mundt, Katrin; Steinweg, Dagmar (Hgg.): Zwischen Anachronismus und Fortschritt. Modernisierungsprozesse und ihre Interferenzen in der russischen und sowjetischen Kultur des 20. Jahrhunderts, Bochum 2001, 31-49.
- [Just 1931] Just, A.W.: Die Presse der Sowjetunion. Berlin 1931.
- [Kandler 1925] Kandler, G.: Die Pressezensur in Sowjet-Rußland. // Osteuropa (1925/1926), 256-258.
- [Lauer 2000] Lauer, Reinhard: Geschichte der russischen Literatur. Von 1700 bis zur Gegenwart, München 2000.

- [Metcalf 1987] Metcalf, A.: The Foundation of the Federation of Soviet Writers: The Forgotten Factor in Soviet Literature of the Late Twenties. // The Slavonic and East European Review, 1987, vol. 65, Nr.4, 609-616.
- [Plaggenborg 1996] Plaggenborg, Stefan: Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrußland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus, Köln u.a. 1996.
- [Plaggenborg 2000] Plaggenborg, Stefan: Grundprobleme der Kulturgeschichte der sowjetischen Zwischenkriegszeit. // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 48 (2000), 109-118.